

жание и структуру картины мира. Так, в частности, экспериментально установлено, что частотность негативных оценочных реакций на стимул *殷勤的* ‘услужливый’, их процентное соотношение по сравнению с понятиями позволяют предполагать, что в современном китайском языке негативная коннотация уже входит в ядро лексического значения этого слова.

Е. М. Яркова (МГЛУ, Минск, Беларусь)

ВАРИАТИВНОСТЬ ВОСПРИЯТИЯ МЕДИЙНОГО ТЕКСТА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СФОРМИРОВАННОСТИ МЕНТАЛЬНОГО СЛОВАРЯ БИЛИНГВА

Проблема восприятия устного иноязычного текста всегда была актуальной для изучения процессов получения и обработки информации неносителем языка, начиная от создания оптимальных условий для обучения иностранному языку вне естественной языковой среды до оптимизации адаптационных механизмов человека в условиях глобализации. В связи с этим предпринимались попытки установить минимальный сегмент, необходимый для восприятия как родного, так и иноязычного текста. Представители Санкт-Петербургской школы (В. Б. Касевич, Е. И. Риекахайнен и др.) в качестве такого сегмента рассматривают словоформу, поскольку русский язык обладает большим количеством падежных окончаний и флексий. Для тех языков (например, английский), в которых отношения между элементами высказывания регулируются другими способами, в частности, их позицией, в качестве минимального сегмента рассматривается слово.

В настоящее время существуют два подхода к проблеме восприятия устного иноязычного текста. Область фонетики затрагивает модификации фонем внутри и на стыках слов с учетом акцентуации элементов высказывания, т. е. разграничительные признаки речевого потока. Прикладная лингвистика сфокусирована на создании приемлемой модели распознавания речи (BIA ‘bilingual interactive activation’ и др.) с опорой на предсказательную силу контекста (прайминг) и ассоциативный эксперимент, так часто используемый в психолингвистике.

В 2011 г. было выявлено, что необходимое для понимания текста количество слов в перцептивном словаре билингва зависит не от установления определенного лексического порога, а от желаемой степени понимания. Оптимальным в условиях субординативного двуязычия при восприятии текста разговорного повествования можно считать 95 % лексический охват, поскольку он обеспечивает достаточно высокий уровень понимания и позволяет избегать вариативности, характерной для 90 % охвата (H. Van Zeeland, N. Schmitt). Эти данные можно сопоставить с полученными ранее (P. Nation), согласно которым для восприятия устного текста необходим такой же лексический охват, как и для его чтения (98 %). В ходе эксперимента 2011 г. было выявлено то, что при отсутствии необходимости полного понимания достаточно уже 95 % лексического охвата. Это сужает

количество гнезд слов, необходимых для слухового восприятия с 6000–7000 при 98 % охвате до 2000–3000 при 95 % охвате. Оказалось, что даже 90 % лексического охвата позволяет понять разговорное повествование. Для этого необходимо знать 750 гнезд слов (1500 отдельных слов). Таким образом, для того, чтобы билингв мог понимать речь на слух, ему необходимо знать от 750 до 2000 гнезд слов.

В том же году был проведен эксперимент по восприятию письменных текстов академических лекций (дидактический дискурс), целью которого было определить наличие фоновых знаний испытуемых для понимания текстовой информации (Schmitt et al.). В результате было выявлено то, что фоновые знания способствуют пониманию письменного текста, но с лексическим охватом 94 % и выше. Таким образом, при исследовании восприятия устного текста необходимо учитывать роль таких факторов, как тип дискурса, лексический охват и фоновые знания испытуемых.

Мы видим рассмотрение данной проблематики в рамках комбинаторного подхода. Для того чтобы определить минимальный сегмент, необходимый для распознавания иноязычного устного текста, мы проанализировали погрешности восприятия, допущенные носителями русского языка при прослушивании текстов английской сказки, и попросили их попытаться при повторном прослушивании найти те элементы речевого потока (сегменты), которые способствуют устранению этих погрешностей. Информанты записывали услышанные фрагменты текста при помощи букв английского или русского алфавита. Во всех случаях оптимальным сегментом для устранения погрешностей была названа синтагма. Тексты английской сказки, начитанные профессиональными дикторами, были выбраны нами не случайно, поскольку повествование считается наиболее легким жанром для восприятия, не требующим привлечения экстралингвистической информации.

Далее мы расширили ассоциативный эксперимент и рассмотрели проблемы восприятия текстов других жанров. К ним относились тексты фильмов и новостных выпусков, поскольку именно те тексты, которые допускают вариативность восприятия, позволяют в полной мере разграничить универсальные, свойственные большинству носителей определенного языка, и индивидуальные, свойственные отдельным информантам, погрешности. К распространенным трудностям восприятия можно отнести непонимание стилистически маркированных лексических единиц и отсутствие фоновых знаний.

В частности, фраза о предвыборной кампании Хилари Клинтон *Hilary left 18 million cracks in the highest, hardest glass ceiling in America* ‘Хилари оставила 18 миллионов трещин в самом высоком и твердом стеклянном потолке Америки’ вызывает аллюзию на существующую в русском языке метафору *быть, находиться под колпаком*. Однако значение русской метафоры связано с нахождением человека под наблюдением полиции, со слежкой за ним. Под «стеклянным потолком» следует понимать изоляцию женщин от участия в политических делах государства, в том числе и в качестве кандидатов на пост президента.

Ранее были предприняты попытки установить то, из каких единиц состоит ментальный лексикон билингва и входят ли в него понятия (концепты). Если ассоциации сходны, то смыслы изучаемого языка угадываются уже на уровне формирования концептов. Предположительно, концепты могут входить в ментальный лексикон билингва.

В. В. Яскевич, О. М. Яскевич (МГЛУ, Минск, Беларусь)

ВОЗРАСТ СОБЕСЕДНИКА КАК ФАКТОР ВАРИАТИВНОСТИ ТОНАЛЬНО-МЕЛОДИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ РЕЧИ

Важной причиной вариативности языка является его социальная обусловленность: социальная структурированность общества находит отражение в речи представителей разнообразных социальных групп. Можно сказать, что социальное «лицо» говорящего предопределяет набор языковых, в том числе и произносительных, стилей, которыми он пользуется.

Полагаем, что в числе наиболее существенных субстанциональных признаков, накладывающих значительный отпечаток на речь носителя языка, находится возраст говорящего. Самые яркие различия обнаруживаются между лексико-грамматическими и фонетическими характеристиками взрослых и детей. Языковой опыт ребенка более ограничен по сравнению с языковым опытом взрослого человека. Эти объективные различия в языковом опыте находят свое выражение во всех компонентах речи.

Интересен тот факт, что речь взрослого человека, обращенная к детям, также имеет целый ряд особенностей в области синтаксиса, морфологии, лексики и фонетического оформления. В зарубежной литературе для описания данного типа подстройки к собеседнику используется термин «motherese» [1]. В отечественной литературе принято говорить о так называемом «родительском» языке. В целом его можно описать как упрощенный регистр общения. В частности, речь идет о достаточно коротких и простых по структуре предложениях. Взрослые, обращаясь к ребенку, прибегают к «семантическим примитивам», часто используют уменьшительно-ласкательные суффиксы. С фонетической точки зрения отмечается, что взрослые говорят с детьми медленнее, делают больше пауз и изменяют тембр голоса, акцентируют большее количество слов.

Эмпирические наблюдения показывают, что степень упрощения речи находится в обратной зависимости от возраста ребенка. Для того чтобы выяснить, как именно меняется просодическая структура речи в зависимости от возраста ребенка, к которому обращается взрослый человек, нами был проведен фонетический эксперимент.

Экспериментальный материал был получен в студийных условиях. Женщине, носителю южно-английского нормативного произношения, было предложено прочесть сказку «The Three Little Pigs» два раза. Первое прочтение предполагало, что сказка обращена к ребенку дошкольного возраста 3–4 лет. При втором прочтении диктор представляла себе, что сказка обращена детям младшего школьного возраста 7–8 лет.